

Виктория Нани

Другие будни

*Часть сборника
Белый кафель, красный крест
(сборник)*

Виктория Нани

Другие будни

«АСТ»

2010

Нани В.

Другие будни / В. Нани — «АСТ», 2010

«Социальные работники бывают разные... Лично я не ношу старикам по два килограмма еды на дом. Не занимаюсь психотерапией. Не отбираю детей у нерадивых родителей. Я не веду душеспасительные беседы с малолетними преступниками. Не организываю группы поддержки для матерей-одиночек. Я занимаюсь реабилитацией. Хорошее такое слово, длинное. С ним можно играть, пытаясь составить из него очень много коротких...»

Виктория Нани

Другие будни

Социальные работники бывают разные...

Лично я не ношу старикам по два килограмма еды на дом. Не занимаюсь психотерапией. Не отбираю детей у нерадивых родителей. Я не веду душевспасительные беседы с малолетними преступниками. Не организовываю группы поддержки для матерей-одиночек. Я занимаюсь реабилитацией.

Хорошее такое слово, длинное. С ним можно играть, пытаюсь составить из него очень много коротких.

Рация.

Литера.

Билет.

Как помочь человеку, больному шизофренией, вернуться после длительной госпитализации в общество и не поехать еще раз мозгами от самого процесса? Как удержать его на этом зыбком островке послебольничной нормальности?

Формула достаточно проста и давно известна. Лекарства плюс крыша над головой плюс подходящая работа минус наркотики минус алкоголь плюс психологическая поддержка.

Я социальный работник. Моя работа – оказывать душевнобольным людям психологическую и социальную поддержку. Но иногда мне кажется, что мои клиенты способны на это много лучше меня...

14 сентября. Начало

Пришёл клиент.

Сел.

Встал.

Ещё раз сел.

Встал снова.

Пробежался к окну, посмотрел на улицу, бегом к креслу – сел.

Сидит.

Вдруг завертел головой, зашипел, зарычал.

– Вики, – говорит, – я плохо себя чувствую. Мне, наверное, нужно в больницу.

И снова забегал по комнате.

Успокаивала разными способами. Уговаривала всячески. Уже собиралась позвонить его психиатру.

А он все бегает по комнате и твердит, что ему госпитализироваться нужно.

– М., – говорю ему я, – вы хотите, чтоб и меня сейчас в психушку забрали? Если вы хоть на минуточку не замрётё, я своими ногами в лечебницу уйду.

Уселся, смеялся минут пять, успокоился совершенно.

По-моему, работает...

20 сентября. Супчик

Первая неделя работы. Совершила «самоотверженный» поступок с неожиданно обрадовавшими результатами.

Пришла навестить свою подопечную, славную пожилую и очень больную женщину, живущую в доме для душевнобольных, которой я курировала. Оказалось, она уже два дня ничего не ест, потому что уверена: соседка (тоже моя клиентка), которая обычно готовит еду для всех жильцов, пытается её отравить.

Сидит эта совершенно чудная старушка, а перед ней тарелка борща. И не ест. Второй день не ест. Плачет почти, голодная, но к еде не притрагивается.

– Вы, – говорит, – Викочка, посмотрите, что в этом борще плавает. Она меня отравит. Не могу я это есть.

Я посмотрела. В борще плавала капуста и другие овощи.

Спросила, можно ли мне попробовать её борщ.

Р. с ужасом в глазах согласилась.

Я взяла ложку, зачерпнула погуще и с выражением полного кайфа на лице борщ этот попробовала.

А потом ещё немножко с ней постояла и пошла дальше.

Сегодня выяснилось, что она снова стала есть. Сказала девочке-инструктору, что, если Вики ест стряпню её соседки – нет никакого смысла подозревать последнюю в попытках отравления. Если, говорит, социальные работники едят и выживают, то нам, психам, бояться нечего...

2 октября. Гусеница

Сидела сегодня с двумя своими клиентами в садике около их хостеля.

Они на скамеечке, а я на маленькой табуретке – напротив.

Очень мирно так сидим, за жизнь общаемся.

Тут смотрю – по дорожке гусеница ползёт. Никогда такой не видела: толстенькая, нежно-зелёная в маленькую жёлтую *крапочку*, а вдоль спинки – серебряные точки. И глазищи такие солидные! Чёрные, с жёлтым же кружком внутри.

С одной стороны – я, как всякая приличная женщина, боюсь этих гусениц. Я всего, что ползает, боюсь. Я уже не говорю о том, что пресмыкается!

С другой – красота такая, что просто невозможно не восхищаться.

Сижу, стало быть, восхищаюсь вслух. Надо же, говорю, чего только мать-природа не изобретёт. Хотя выглядит, говорю, совершенно не по-земному. Просто не гусеница, а инопланетянин какой-то.

Один клиент покивал, а второй усмехнулся и говорит:

– Нельзя тебе, Вики, с душевнобольными долго работать... Вот уже и инопланетяне мерещатся.

14 октября. На кухне

Давай тут посидим. Здесь тихо. Хочешь кофе? Ры-ры-ры... А, ты же чай пьёшь всегда... Я тебе налью. Почему я плакал? Я тебе расскажу. На, держи. Она была артисткой. А я в тюрьме сидел. За что? Ры-ры-ры... За вымогательство. Мы с младшим братом у бакалейщика деньги отнять пытались. И помяли его немножко за прилавком. Под прилавком. А тут полицейский как раз... Ну, нас и посадили. Сидел год. А она приехала спектакль показывать. Про девочку из неблагополучной семьи. Одна на сцене была. Рыры-ры... Открой окно, пожалуйста. В шортиках коротеньких и в футболке драной. Глаза запуганные, зелёные. А сама вся тонкая такая, что, кажется, дотронься – лопнет, как мыльный пузырь. Я в первом ряду сидел. Мне тогда восемнадцать было. И смотрел на неё, как на диво дивное. Рыры-ры... А потом меня выпустили, и я поселился у двоюродного брата в Тель-Авиве. Брат работал на пляже, продавал мороженое... У тебя есть сигарета? Ры-ры-ры... А я на пляж не ходил. Там все смотрят и в море раствориться можно, столько соли. Я в театр ходить начал. Посмотрел, в каких она спектаклях играет, и ходил. Почти каждый вечер. На всё. Слышишь, как лает? Это у соседей новый котёнок. Она на него со вчерашнего дня лает. Так и жил. Днём спал, вечером ходил в театр. А потом стоял у выхода и ждал её. Но не близко. Ры-ры-ры... Боялся, что она меня испугается. У меня тогда борода была ещё длиннее, чем сейчас. Нет, бывает. Не спорь. Бывает. Под деревом стоял и

ждал. Нет, не разговаривал никогда. Я тоже её боялся. Я дотронуся, а она лопнет. Или закричит. И тогда я решил, что я ей позвоню. Номер взял у одного парня, который у них реквизитом заведовал. Я ему диск виниловый подарил. Ры-ры-ры... Два дня думал, что скажу. Позвонил, а она сразу трубку взяла. Я представился и спросил, знает ли она меня. Она засмеялась и ответила, чтоб я не разыгрывал её и поднимался поскорее. Я молчал. Ры-ры-ры... Сказал, что она меня с кем-то спутала. Она трубку бросила. А у меня были всякие мысли о ней. Нет, не эротические. Я никогда с женщиной не спал в жизни. Мне этого не нужно. Ры-ры-ры... У меня были мысли о том, что она со мной разговаривает. Целыми днями. Говорит, чтоб я не брился, чтоб курил гашиш, чтоб не убирал, а то она заболит. Или умр... Ры-ры-ры... Рыры-ры... Я не брился. Я только после последней госпитализации чуть-чуть бороду подстриг. А после того разговора у меня были мысли страшные. Она приходила в мои мысли и говорила: «Прыгай!» И я прыгал. Со стула, потом – со стола. Как-то раз спрыгнул с автобуса. После этого меня забрали в психушку. Брат пошёл в полицию и сказал, что у меня с головой что-то не так. Ры-ры-ры... Теперь я знаю, что это шизофрения. На самом деле, она обо мне даже не знает. А я её любил. С того дня, когда увидел в клубе в тюрьме. Шортики коротенькие, футболка с высунутым языком на ней и глаза зелёные и испуганные... Ры-ры-ры... Рыжая.

24 октября. Собеседник

Стою в психбольнице сегодня, время обеденное, жду, пока мой клиент со своим психиатром договорит, чтоб взять его выписку и отвезти в хостель. Курю. Смотрю по сторонам.

Подходит ко мне лысый мужчина в сером костюме на голое тело.

Обращается по-русски:

– Гражданочка, прикурить не найдётся?

В таких местах не приходится ничему удивляться. Даже сто лет неслышанному обращению «гражданочка».

Достаю зажигалку. Мужик прикуривает. Выпрямляется, смотрит на меня и говорит:

– Я замужем.

Можно было, конечно, отвернуться и уйти, но...

– Я, – говорю, – тоже.

– А ты за кем замужем? – интересуется мой собеседник (или собеседница?).

– Э-э-э... – мямлю я. – За мужчиной.

– А я, – радостно улыбается мужчина, показывая совершенно беззубые десны, – сама за собой!

– Экономично... – реагирую я автоматически.

– Гы-ы-ы, – хохочет он, блестя влажной лысиной, – пойду мужа кормить. Курит три пачки в день, а жрать, блин, не хочет.

И ушла, напевая.

Женщины – они все-таки исключительно ответственный народ...

3 ноября. Заводское

Позвонили мне сегодня днём с заводика, на котором некоторые мои подопечные трудятся.

Приезжай, говорят, скорее, тут твой клиент Р. буянит: заперся в туалете и оттуда материт весь свет, угрожая перерезать себе вены. Ни с кем говорить не хочет, требует, чтоб ты приехала и его в больницу отвезла.

Ну, поехала я. Еду и думаю: а если не согласится в больницу? А если я не успею? А если не удастся уговорить? А если...

Прихожу. Директор заводика, хмуро ухмыляясь, кивает в сторону общественных туалетов.

Еще издалека слышу вопли с отборными ругательствами на аборигенском.
Не очень уверенно стучусь.

– Кто это? – кричит мой клиент.

– Это я, – отвечаю, – Вики.

– А чем докажешь? – спрашивает. Имеет право. Шизофрения у него таки да, параноидальная.

– Ну, – говорю, – голос-то мой тебе знаком?

– Знаком, – соглашается он, – но Вики я обычно по улыбке узнаю. По голосу – это не то.

– Что ж, – вздыхаю я, – вылезай из туалета, друг, я тебе улыбнусь. Так и быть, мне не жалко. Только вылезай.

– Пусть, – отвечает, – все уйдут оттуда, я никого, кроме тебя, видеть не согласен.

Прошу всех удалиться, хотя оставаться один на один с разбушевавшимся Р. мне немножко неуютно.

Народ расходится, только начальник цеха Хаим остается прямо за дверью: подмигивает и молчит.

Я ему жестами показываю: уходи, мол, я справлюсь. А он головой крутит: и не подумаю, мол.

Ладно, говорю Р., что все ушли.

Дверь открывается, очень резко, начальник цеха отпрыгивает назад, к стенке, и замирает за дверью.

Мой клиент выходит из туалета с видом заключённого и руками, спрятанными за спину.

– Ты одна? – интересуется.

– Нет, – честно отвечаю я. – Хаим стоит за дверью на случай, если ты захочешь меня убить.

Р. заглядывает за дверь. Там стоит улыбающийся Хаим и потирает ушибленный затылок.

Р. несколько секунд пялится на него и деловито ему сообщает:

– Я там унитаза разбил, позвони сантехнику.

А потом – мне:

– Вызови неотложку, не поеду я на твоей машине.

– Почему? – удивляюсь я. – Тебе не нравятся «ситроены»?

– Нет, – отвечает. – Это твоему мужу не понравится запах, который после меня в твоей машине останется. И потом – я всё запачкаю.

И показывает порезанные (видимо, о разбитый унитаз) руки.

Перевязали, чем попало, отвезли его на «скорой», грязного и несчастного, в больницу.

По дороге твердил, что улыбка мне к лицу больше, чем усталость.

Не спорила. Зачем спорить, когда человек прав?

7 ноября. Страна дураков

Любимый клиент. Чувство юмора у него – дай бог каждому, несмотря на двадцатилетний стаж в параноидальной шизофрении.

Упала у меня монета (10 шекелей) в траву около дома. Искали-искали – не нашли. Все искали: и персонал, и сами жильцы хостеля – мои клиенты. Картинка была та ещё: восемь человек ползают по траве и ищут одну несчастную монетку. Все, кроме Р.

Р. стоит в дверях дома, курит и глубокомысленно наблюдает, как мы шарим руками в траве и тихонько ругаемся.

Я его увидела и говорю с улыбкой:

– Р., запомни: в этом месте через несколько месяцев вырастет небольшое деревце с монетками в десять шекелей вместо листиков.

Он затаился и серьезно так мне отвечает:

– Не беспокойся. Не вырастет.

И паузу держит.

– Почему же это, – спрашиваю я обиженно, – не вырастет?

– Ну, – говорит, – потому что, во-первых, деньги на деревьях не растут, а во-вторых – потому, что твою монетку Б. (*другой жилец, с манией величия и миллионами в швейцарском банке*)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.